

BAD

Гэвин Эдвардс

MOTHER FUCKER

**ЖИЗНЬ
И ФИЛЬМЫ**

**СЭМЮЭЛА
Л. ДЖЕКSONA,**

**САМОГО КРУТОГО
ЧЕЛОВЕКА В ГОЛЛИВУДЕ**

18+
содержит нецензурную
блaнжy

Легенда! Актеры, изменившие кинематограф

Гэвин Эдвардс

**Жизнь и фильмы Сэмюэла
Л. Джексона, самого крутого
человека в Голливуде**

«ЭКСМО»

2021

УДК 791.071:929(73)

ББК 85.374(3)-8

Эдвардс Г.

Жизнь и фильмы Сэмюэла Л. Джексона, самого крутого человека в Голливуде / Г. Эдвардс — «Эксмо», 2021 — (Легенда! Актеры, изменившие кинематограф)

ISBN 978-5-04-184182-9

Сэмюэл Л. Джексон — самый крутой человек в Голливуде. Ну, уж точно один из самых крутых. Мальчик-заика, отец которого умер от алкоголизма, а мать попала в психиатрическую лечебницу. Он прошел путь от безымянного чернокожего актера до звезды мирового масштаба. В его фильмографии почти 200 фильмов, в числе которых такие шедевры, как «Криминальное чтиво», «Джанго освобожденный», «Мстители», «Звездные войны» и «Парк Юрского периода». И пусть чаще всего ему достаются роли второго плана, но они неизбежно врезаются в память и запоминаются чуть ли не лучше, чем весь фильм. Эта книга — уникальное исследование жизни актера и его неподдельной крутости. Его долгий и нелегкий путь к вершинам Голливуда. Через что он прошел, кого он встречал и чего ему это стоило. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 791.071:929(73)

ББК 85.374(3)-8

ISBN 978-5-04-184182-9

© Эдвардс Г., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Введение: ценность крутизны	6
1	13
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гэвин Эдвардс
Жизнь и фильмы Сэмюэла Л. Джексона,
самого крутого человека в Голливуде

BAD MOTHERFUCKER: The Life and Movies of Samuel L. Jackson, the Coolest Man in Hollywood Gavin Edwards

Copyright © Gavin Edwards, 2021

This edition published by arrangement with Levine Greenberg Rostan Literary Agency and Synopsis Literary Agency

© Антонова В.С., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение: ценность крутизны

«Я все время говорю "круто"», – сказал мне Сэмюэл Л. Джексон. Он думал, что это второе по популярности слово в его лексиконе, но признавал, что не всегда использует именно его, предлагая разные примеры: «О да, круто», «О, было бы очень круто» или просто «Круто». (А какое самое употребляемое слово в его словаре? Вы наверняка и сами догадались, но об этих четырех слогах мы еще поговорим.)

У слов «hot», «hip» и «cool» разные значения, даже если на обложках журналов их порой используют как взаимозаменяемые понятия. Слово «hot» описывает то, что хочется в данный момент: модное, сексуальное, предмет потребления, настолько совершенный, что объединяет грехи похоти и жадности. «Hip» – это состояние просветления, в котором возможно достичь понимая сложного устройства нашего общества. А вот что со словом «cool»? Cool – это hip в действии; cool необходим для того, чтобы сделать что-то hot. Крутизна – это образ жизни.

Все это – социальные конструкты, но если «hot» скоротечен, а «hip» переменчив, то «cool» – это ценность, которая остается на века. Если ты достаточно крут, тебя не смущают шестеренки популярной культуры, даже если они вращаются все быстрее и быстрее. А если ты по-настоящему крут? Тогда ты Сэмюэл Л. Джексон.

Что делает Джексона крутым? Чтобы лучше понять этого человека, вспомните его второстепенную роль, которая не входит в число его самых любимых или самых цитируемых, – Джон Арнольд, измученный администратор в «Парке юрского периода», пробивающий себе путь из кризиса, когда отключается электричество, а генетически модифицированные динозавры сбегают из клеток.

«Мне кажется, что нет ничего такого, с чем у него не хватило бы мужества столкнуться», – заметил голливудский сценарист Мэттью Олдрич. – Но это бесстрашие, которое приходит с опытом, в отличие от бравады, которая ему противоположна. Я вспоминаю "Парк Юрского периода", где у него весь фильм такой похотливый вид, а изо рта постоянно безвольно свисает сигарета. Я не знаю, как, но видно, что он уже на эти грабли наступал: он уже третий раз работает в парке с динозаврами и знает каждый возможный сценарий, в котором все пойдет наперекосяк».

Крутость – это спокойствие перед лицом кризиса. А еще крутость – это ваша походка, манера носить шляпу и безразличие к тому, что думают другие о вашем жизненном выборе. Крутость – это маска, которую человек носит в этом мире. Если ее правильно надеть, она станет лицом.

И вот Сэмюэл Л. Джексон наделил своим личным хладнокровием десятки ролей в кино: гангстеры и тайные агенты; супергерои и суперзлодеи; джедаи и диджейи; наемные убийцы, мошенники и джентльмены. Он снялся в фильмах «Роковая восьмерка», «Омерзительная восьмерка» и «1408». За свою карьеру он снялся более чем в 130 художественных фильмах: это больше, чем у Билла Мюррея и Тома Хэнкса, вместе взятых. Благодаря своей популярности, неустанному трудолюбию и готовности играть роли второго плана в больших и малых фильмах он достиг самых больших суммарных кассовых сборов среди всех кинозвезд: по состоянию на 2021 год – более 8,1 миллиарда долларов в США и 19,4 миллиарда долларов по всему миру. Отвечая на вопрос о рекорде, Джексон отметит, что большая часть этих денег «не осела в его кармане». Но и остатки не помешают. «Мне платят весь день, каждый день, – говорит он, – что почти чересчур для чувствительного художника».

Джексон – первоклассный актер с более широким диапазоном, чем многие представляют, но он не выходит на передний план во всех этих фильмах, потому что он – хамелеон со своими уникальными чертами, который исчезает в каждой роли. В нем едва ли можно узнать его самого. Ему предлагают роли, потому что он крутой: зрителям не только нравится проводить

с ним время, они чувствуют себя комфортно, когда он на экране, зная, что фильм в надежных руках.

Если крутость – это маска, которую мы носим на публике, то что значит быть актером, известным крутыми ролями? Это означает, что каждый раз маска сидит более естественно и оставляет отпечаток на лице. Это значит, что люди запоминают, как вы выглядели в ней в последний раз, и готовы поверить, что на самом деле это вовсе не маска.

Рассмотрим Лестера Янга (1909–1959), джазового саксофониста, который играл в стиле Канзас-Сити¹. Лучше всего он известен как участник джаз-оркестра Каунта Бейси и Билли Холидей, но один из самых крутых людей на планете как-то рассказал мне секрет: песня Янга *Back to the Land*, если ее играть ежедневно, может стать бальзамом для души. (Это правда.)

Все джазмены образца примерно 1943 года жили вне культурного мейнстрима, но даже в этом полусвете Янг был необычной фигурой. В эпоху, не богатую на гендерную двусмысленность, он отрастил длинные волосы, жестикулировал так, что люди считали его слишком женоподобным, и как ни в чем не бывало называл других мужчин «леди». Хотя его самым известным прозвищем было През, другие музыканты в группе Бейси называли его Мисс Штучка. Здесь следует логичный вопрос: был ли он геем? Очевидно, что нет. Когда его спросили, он ответил: «Я даже не проходил прослушивание!»

Янг был блестящим музыкантом (возможно, величайшим аккомпаниатором Холидей) и первопроходцем в области стирания различий между полами, но его величайшее наследие может носить лингвистический характер. Музыкант Джон Льюис² сказал: «Он был живым, ходячим поэтом. Он был таким тихим, что, когда говорил, каждое предложение звучало как маленький взрыв». Среди его идиосинкразических сленговых терминов: *Johnny Deathbed* для больного человека (*deathbed* – смертное ложе), *deep sea diver* для особенно искусного басиста («тот, кто ныряет в глубокое море») и, наконец, *cool* в современном смысле – «расслабленная крутизна». (Раньше в американском сленге это слово имело негативный смысл: например, в рассказе Хемингуэя «Ночь перед боем», написанном в 1939 году, есть диалог: «Хотел бы я охладить тебя, ты, захудалый фальшивый Санта-Клаус»).

Когда нет письменных свидетельств, бывает трудно определить, кто придумал тот или иной сленговый термин, – если вам захочется как-нибудь заглянуть в кроличью нору, попробуйте выяснить, как раньше использовалось слово «*mullet*»³ и действительно ли Майк Ди из *Beastie Boys* придумал использовать его в качестве названия для той самой стрижки или же просто сделал ее популярной, однако множество музыкантов, близко знавших Янга, отдавали ему должное за слово «*cool*» (крутой). Один из самых крутых парней на свете подарил нам лексикон, необходимый для описания его самого и его влияния.

Примером устной традиции использования слова «крутой» служит тот случай, когда Сэмюэл Л. Джексон решил научить белую девушку тому, как быть крутой/спокойной⁴. Возможно, вы помните этот момент: это произошло в лос-анджелесской закуской, и этот урок он давал с совершенно невозмутимым видом, не обращая внимания на то, что большую часть времени она направляла на него пистолет. Но, как заявил он одному из двух мелких налетчиков, собиравших кошельки у посетителей, «не хочу задевать ваше самолюбие, но это не первый раз, когда на меня направляют пистолет». Как и всегда, Джексон проявил бесстрашие, которое приходит с опытом.

¹ Стиль Канзас-Сити – джазовый стиль, для которого характерны пьесы с блюзовой окраской и энергичные соло. – *Прим. науч. ред.*

² Джон Льюис – американский джазовый пианист и композитор, руководитель *Modern Jazz Quartet*. – *Прим. науч. ред.*

³ Сейчас словом «*mullet*» или «маллет» называют прическу с длинными волосами сзади и коротко постриженными по бокам и спереди. – *Прим. пер.*

⁴ Все грани значения оригинального слова «*cool*» невозможно передать одним русским словом. В нем уместается несколько смыслов: крутой, спокойный, расслабленный, свежий, прохладный и т. п. – *Прим. пер.*

Положив бумажник в сумку, которую держал Тим Рот, но еще до того, как внимательно процитировать Священное Писание, Джексон взял ситуацию в свои руки, обезоружив Рота и приставив собственный пистолет к его шее. Девушка, по понятным причинам, испугалась, направила пистолет на Джексона и пригрозила его убить.

– Мы будем как три малыша Фонзи из мультика⁵, – сказал ей Джексон. – Помнишь малыша Фонзи⁶?

Она замолчала и задержалась, потрясенная таким ответом.

– Ну? Какой он, помнишь? – закричал он.

– Спокойный? – нерешительно предположила она, отчаянно пытаясь найти правильный ответ.

– Что?

– Спокойный, – сказала она чуть увереннее.

– Вот именно.

Урок по спокойствию и крутости из закуской Hawthorne Grill в финальной сцене фильма «Криминальное чтиво»: сохраняйте спокойствие в критических ситуациях. Применяйте эту основополагающую философию даже к незначительным моментам своего существования. Идите по стопам своих крутых предшественников.

Фонз был крут, даже если это было круто по меркам ситкома 1970-х годов: Генри Уинклер так круто сыграл Артура Фонзи Фонзарелли, что даже неудачи более поздних сезонов (самый известный случай – Фонзи на водных лыжах и в кожаной куртке перепрыгивает через акулу) принижали скорее сериал, чем персонажа.

Вот еще несколько членов Зала славы крутизны: Questlove. Кит Ричардс. Нина Симон. Принс. Роберт Митчем. Патти Смит. Фрида Кало. Леонард Коэн. Поли Стайрин. Серена Уильямс. Алан Тьюринг. Ричард Прайор. Кельвин (король тигров, а не богослов XVI века). Тосиро Мифунэ. Их гораздо больше, и у вас найдутся свои кандидаты.

Абсолютно крутой поп-исполнитель Гарри Стайлс впервые посмотрел «Криминальное чтиво», когда ему было всего 13 лет: «Наверное, рановато было», – признается он. Он впечатлился Джексонем в роли Джулса Уиннфилда и, желая подражать своему кумиру, «откладывал деньги, подрабатывая разносом газет, чтобы купить бумажник с надписью "Bad Motherfucker". Я просто ходил с этим бумажником по английской деревне, как тупой белый ребенок».

Понятие крутости, как и многие другие первые изобретения человечества, зародилось в Африке. Понятие крутизны, спокойствия, прохлады, часто ассоциирующееся с водой, мелом и любым другим веществом, которое делает человека таким свежим и чистым, распространено во многих африканских языках. На языке йоруба⁷ «epun tutu» означает «крутой рот», в то время как на языке кикуйю⁸ «kanua kohogo» означает «крутой язык» – оба понятия описывают силу умения промолчать вместо того, чтобы разевать свой глупый рот.

«Это маска самого мышления», – писал искусствовед Роберт Фаррис Томпсон об этих идиомах и о том, как они формируют поведение. Томпсон вывел западноафриканское определение понятия «крутость»: «Способность оставаться невозмутимым в нужный момент, не проявлять никаких эмоций в ситуациях, где допустимы волнение и сентиментальность, – другими словами, вести себя так, как будто твои мысли находятся в совершенно другом мире».

Идея эмоциональной сдержанности встречается в неафриканских культурах: возможно, вам знакомо французское «sangfroid» – хладнокровие, или британское «pride» – гордость за то, что вы держите язык за зубами. Африканский вариант стоицизма отличается тем, что хладно-

⁵ Фонзи – персонаж американского комедийного сериала «Счастливые дни» (1974–1984). – *Прим. науч. ред.*

⁶ В русских переводах вместо Фонзи используется «снеговик» или «мороженое», чтобы обыграть значение «холодный» в слове «cool». – *Прим. науч. ред.*

⁷ Йоруба – группа народов, населяющих Западную Африку (Нигерия, Того, Бенин, Гана). – *Прим. науч. ред.*

⁸ Кикуйю – народ, живущий в центральной части Кении. – *Прим. науч. ред.*

кровие считается важным качеством не только во время стресса, но и во время праздников и танцев. Нужен настоящий талант, чтобы выглядеть непринужденно в такие бурные, экспрессивные моменты, вот почему мы восхищаемся киноактерами, которые сохраняют хладнокровие, даже когда играют роль в абсурдной обстановке, применяя все навыки притворства, такие как общение с компьютерными инопланетянами перед ярким зеленым экраном.

Актер Хью Лори однажды сказал мне, что Кэри Гранта можно назвать величайшим из всех кинозвезд XX века именно из-за этого его качества – отстраненного хладнокровия: «Он всегда осознавал, что снимается в фильме. Его забавляло его положение: не положение его персонажа, а положение Кэри Гранта в фильме».

Или, как выразился Томпсон, описывая невозмутимую отстраненность в африканском контексте: «В этой философии крутости проявляется вера в то, что чем чище, чем спокойнее становится человек, тем ближе он к предкам. Другими словами, владение собой позволяет человеку выйти за пределы времени и избежать навязчивых мыслей».

В облаке сигаретного дыма джазовые музыканты стали современными американскими архитекторами образа жизни, которому Лестер Янг дал название «крутой», а за ними следовали писатели-битники⁹. В 1957 году Майлз Дэвис выпустил альбом *Birth of the Cool*, где собрал записи, сделанные совместно с музыкантами, среди которых были саксофонист Джерри Маллиган и барабанщик Макс Роуч, в ответ на бурное развитие бибоба¹⁰, распахнув двери в комнату для отдыха. В том же году Джек Керуак опубликовал «В дороге», автобиографический роман, написанный буквально на одном дыхании, который вдохновил целое поколение отправиться на поиски Америки по магистрали Нью-Джерси Тернпайк.

В своей автобиографии Дэвис признал, что на этих сессиях его вдохновлял белый руководитель группы Клод Торнхилл, но постарался вычеркнуть из своего рассказа любое влияние со стороны белых: «Мы пытались звучать как Клод Торнхилл, но он сам нахватался от Дюка Эллингтона и Флетчера Хендерсона». С учетом того, что в музыке Эллингтона и Хендерсона джаз и африканские мотивы смешивались с европейскими симфоническими традициями, это не такая уж чистая сквозная линия, как утверждал Дэвис. Несмотря на то что крутость подчас служит лишь кодом для обозначения чернокожих, крутость в Соединенных Штатах не существует без смешанного влияния черных и белых, которое выливается в комплексное наследие.

В 1957 году в Центральную среднюю школу в Литл-Роке были зачислены девять афроамериканских подростков. (Губернатор штата Арканзас послал Арканзасскую национальную гвардию, чтобы не пустить их в здание; президент Дуайт Эйзенхауэр ответил федерализацией Арканзасской национальной гвардии и приказал им защищать учеников.) Девятка из Литл-Рока заходила в школу сквозь толпу белых, с безмятежным и уверенным видом, сохраняя хладнокровие перед лицом смертельной опасности. Одна из них, Минниджин Браун-Трипки, позже сказала: «Их беспокоило то, что мы были такими же высокомерными, как и они».

В 640 километрах к востоку от Литл-Рока, в Чаттануге, штат Теннесси, в том же году отметил девятый день рождения Сэмюэл Лерой Джексон, который тоже жил в сегрегированном мире. Чем старше он становился, тем с большим количеством белых он знакомился, но почти все, кого он встречал, будучи ребенком, были чернокожими. Детство в условиях сегрегации не сделало Джексона злее – оно выковало его стальное хладнокровие. Но, став взрослым, он пришел в ярость от голосов консервативных политиков, наследников традиций угнетателей из его детства. «Это те же самые гребаные типы, – сказал он. – И когда я слышу их голоса, я слышу те же самые голоса. Тот носовой выговор, когда тебя специально называли не ниггером, а нигрой. Нигры. Не было никаких сомнений в их позиции – ты никогда не будешь им ровней,

⁹ Битники – неконформистское молодежное движение 1940–1950-х годов. – *Прим. науч. ред.*

¹⁰ Бибоп – джазовый стиль 1940-х годов, характеризуемый быстрым темпом и сложными импровизациями. – *Прим. науч. ред.*

и по возможности они сделают так, чтобы у тебя никогда не было столько дерьма, сколько есть у них».

Майлз Дэвис начал свою автобиографию с таких слов: «Самое сильное чувство, которое я испытал в жизни – одетым, конечно, – это когда еще в 1944 году я впервые услышал, как Диз и Птица играли вместе»¹¹. Шел 1944 год, Диззи Гиллеспи и Чарли Паркер играли вместе в группе Билли Экстайна, каждый вечер изобретая боповое звучание. Паркер (он же Птица) стал иконой крутости как за свою гениальность, так и за беспутный образ жизни: он кололся героинном, мочился в телефонных будках, закладывал свой саксофон прямо перед концертом, чтобы успеть сделать ставку, а затем добивался великолепного звучания из подменного инструмента, например детского пластмассового саксофона. Паркер умер, когда ему было всего 34 года, но коронер оценил его возраст где-то между 50 и 60 годами.

Гиллеспи, напротив, дожил до 75 лет, более 50 из них состоя в браке с одной и той же женщиной. Несмотря на то что у него был безупречно крутой послужной список, он был новатором как в бибопе, так и в афро-кубинском джазе, он не чувствовал необходимости сжигать себя, как его партнер. У него дома в Нью-Джерси в морозилке хранился запас безалкогольного пива. Когда Гиллеспи спрашивали о его сдержанной натуре, он отшучивался: «Я всегда боялся иголок». Он знал, что его крутость строилась не на саморазрушении.

В то время как Сэмюэл Л. Джексон приобрел адскую зависимость от кокаина, он в конечном итоге выбрал путь Диззи, а не Птицы: завязав после того, как ему исполнилось 40 лет, он не просто остался в живых еще на несколько десятилетий, но и снялся в своих лучших работах. В свободное от съемок время он не болтался по значным местам и не появлялся в таблоидах: он играл в гольф и смотрел «Закон и порядок»¹². «Большинство людей удивились бы тому, насколько скучна моя жизнь», – признавался он. Но во время работы он превращался в международную кинозвезду, и казалось, что он работает все время, часто снимаясь в пяти или шести фильмах за год.

В детстве Джексон играл на различных духовых инструментах, в том числе деревянных. Он мечтал стать джазовым музыкантом – и эта мечта резко оборвалась в одиннадцатом классе, когда он обнаружил, что не умеет импровизировать. Но он уже впитал в себя кодекс крутого джазмена, и оказалось, что Джексон прекрасно справляется с работой по сценарию.

Знарок джаза Гэри Гиддинс писал о Гиллеспи: «В 60 лет Гиллеспи признался, что когда-то ему казалось, будто со временем играть на трубе станет легче, но оказалось, что играть стало труднее – не потому, что губы теряют подвижность, а потому, что он исчерпал все идеи, которые у него когда-либо были. Он мог прибегать к юмору или другим отвлекающим маневрам, но в пылу импровизации его спасала только правда». Точно так же Джексон снялся в стольких фильмах, что его каденции и крещендо стали привычными, но если он отчасти и утратил способность удивлять зрителей, то накопленный им объем работ раскрыл его истинную, самую крутую сторону сущности.

У Джексона было еще кое-что общее с Гиллеспи – музыкальность. Выбранным инструментом Гиллеспи была труба с раструбом, изогнутым под углом 45 градусов. Инструментом Джексона стал его голос, особенно в сочетании с непристойными выражениями. Когда Джексон матерится, это звучит как поэма, построенная на двух ямбических стопах в одном составном существительном, которое, по его словам, является тем самым английским словом, что он использует чаще всего, – *motherfucker*.

«Я использую слово *motherfucker* по меньшей мере восемь раз в одном абзаце, – сказал мне Джексон. – Я все называю этим словом. Говорю: «О, вот это **убойная хрень** была», или

¹¹ Дэвис М. Автобиография / Пер. с англ. Е. Калининой. – М.: София; Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 544 с. – Прим. науч. ред.

¹² «Закон и порядок» (англ. Law & Order) – детективный сериал о работе полиции и суда, впервые вышедший в 1990 году. – Прим. науч. ред.

«Знаешь, на кого похож этот **ублюдок?**», или «Ну, знаешь, эта **сраная штука**»¹³. Для меня это идеальное существительное/местоимение/мат/что угодно».

Перекачываясь во рту Джексона, непристойное становится священным. Не просто пунктуация, не просто ударение, а материал для словесных соло, которые могут петь от ярости или раскачиваться от трепета перед мощью Вселенной. Чтобы лучше понять работу мастера, при написании обзора каждого из его фильмов я составлял список всех его ругательств. В главах «Фильмы Сэмюэла Л. Джексона» ищите графу под заголовком «Не вырезанные ругательства», чтобы узнать количество каждого «fuck», «asshole», «shitfire» и, конечно же, «motherfucker»¹⁴.

Многие из нас до сих пор сдабривают свою речь словом «круто» (или, если вы персонаж ситкома вроде Джейка из «Бруклина 9–9» или Абеда из «Сообщества», возможно даже вариацией «тройного лутца»¹⁵ – «круто-круто-круто»). Но мы живем в эпоху, когда крутость часто воспринимают как культурную ценность, столь же устаревшую, как рыцарство или куртуазная любовь. В тревожное, душное время мы страдаем от недостатка спокойствия и прохлады.

Это не потому, что корпорации вдруг начали использовать слово «крутой» в качестве маркетинговой стратегии: всегда существовали крутые продукты и аксессуары, которые потребители могли приобрести так же легко, как Снупи¹⁶ влезает в толстовку Joe Cool. Вскоре после окончания Второй мировой войны чикагские портные из компании Fox Bros. рекламировали свой «пиджак из леопардовой кожи, как у Диззи Гиллеспи»: закажи по почте кое-что крутое по низкой цене – 2,5 доллара.

Поддержка со стороны знаменитостей – это целая традиция, которая уходит корнями в прошлое, как и само понятие знаменитости: британская королевская семья издавна выдавала королевские ордера поставщикам двора Его Императорского Величества. Но, возможно, пик пришелся на рок-н-рольные войны за колу 1980-х годов, когда Майкл Джексон, Дэвид Боуи, Тина Тернер и Мадонна поддержали многонациональный конгломерат PepsiCo своей крутизной. В XXI веке, однако, те, кто не обладает крутизной – а именно их олицетворял Джордж Клинтон в альбомах группы Parliament-Funkadelic песней Sir Nose D'Voidoffunk, – научились имитировать это. В большинстве ситуаций оказалось достаточно просто каких-то крутых жестов, и создавалось впечатление, что крутизна свелась к набору жестов.

Современный мир существует исключительно в социальных сетях: в Twitter, Instagram и Facebook¹⁷, кажется, каждый занимается маркетингом, каждый пытается продать себя, как двухлитровую бутылку Crystal Pepsi. По иронии судьбы, все хотят пить, но никто не покупает. Социальные медиа построены на нашем общем словаре крутости, который переводят рекламные агентства, а затем повторно цитируют широкие слои населения, рассказывая всем, кто слушает, насколько прекрасна их жизнь.

Фундаментальный компонент крутости – безразличие к тому, что о вас думают другие люди. Это и позволяет людям руководить революциями и выгуливать невероятные платья в ночь вручения статуэток «Оскара». Это одна из причин, по которой политика и крутость зачастую плохо сочетаются, – никто не перепутал бы прямую трансляцию телеканала C-Span из Сената с красной дорожкой MTV на церемонии вручения наград Video Music Awards. И отстра-

¹³ Слово «motherfucker» и его производные используются в положительном значении в английском языке чуть ли не чаще, чем в отрицательном. Одним русским словом во всех случаях его тоже невозможно передать. – *Прим. пер.*

¹⁴ В соответствующих разделах книги перед описанием фильмов Сэмюэла Л. Джексона подобные слова даны в первоизданном виде, так как в контексте все они переводятся чаще всего разными русскими словами, а целью автора было показать, сколько раз каждое из них используется в конкретном фильме в оригинале. – *Прим. пер.*

¹⁵ Тройной лутц – название прыжка в фигурном катании. – *Прим. пер.*

¹⁶ Снупи – вымышленный персонаж комиксов Peanuts 1950-х годов, пес породы бигль. – *Прим. науч. ред.*

¹⁷ Instagram и Facebook – социальные сети компании Meta, признанной на территории РФ экстремистской организацией. – *Прим. науч. ред.*

ненная хипстерская позиция не очень эффективна в мире публичной деятельности. Фраза «Пофиг, чувак» не очень хорошо масштабируется.

Оказывается, крутость – более важная ценность для граждан здорового общества, чем для его политических лидеров. И хотя сейчас крутость, кажется, не в моде, она по-прежнему необходима в качестве противовеса преобладающим тенденциям эмоционального кликбейта и наглого спонтанного торгашества. Крутость помогает повернуть мир вокруг другой оси, и она же может сделать ваш уголок мира лучше, пока вы пытаетесь творить чудеса гравитации. А кто святой покровитель крутости XXI века? Сэмюэл, мать его, Джексон.

«Мне комфортно в той шкуре, в которой я нахожусь, – сказал Джексон. – Мне так долго было неудобно быть тем, кто я есть. Я принимал наркотики, пил и травился всякой другой дрянью, чтобы отгородиться от мира, не чувствовать того, что я чувствовал. Я был не уверен в себе, беспокоился из-за заикания, из-за того, что у меня нет работы, что я не такой богатый или успешный, как кто-то еще. Это меня больше не беспокоит. Мне посчастливилось сыграть некоторых персонажей, которых люди воспринимают определенным образом. Это отразилось на мне, поэтому люди приписывают мне их черты характера».

Джексон добавил: «Не знаю, откуда взялось прозвище Король крутости и как оно эволюционировало. Но это во многом связано с "Криминальным чтивом" и тем, каким уравновешенным был Джулс. Он был таким профессионалом. Минимум движений, он ни на что не отвлекается – он парень прямолинейный, и людям это показалось крутым».

Джексон знал, что между ним и Джулсом существует огромная пропасть: если бы на него с двух сторон было направлено оружие, вероятнее всего, одной из его реакций был бы пронзительный крик. Но его непоколебимая преданность своему делу не только создавала крутые образы для подражания и источники цитат для других людей, но и делала крутым его самого.

«Быть крутым было не в тягость, – сказал Джексон. – Я просто представляю себя таким, какой я есть».

1

Половина конфеты

Годы спустя он скажет, что буква L означает «lucky» – «счастливчик». Но 21 декабря 1948 года он еще не был способен создавать собственную реальность силой своей воли и воображения, и поэтому он родился в Вашингтоне, округ Колумбия, под именем Сэмюэл Лерой Джексон.

Его мать, 25-летняя Элизабет Хэрриетт Монтгомери Джексон, переехала в столицу страны из Теннесси во время Второй мировой войны: она и ее сестра Фрэнсис были приняты на службу в ВМС США в качестве служащих и машинисток. Его отец Рой Генри Джексон, которому было всего 19 лет, служил рядовым в армии (позже он участвовал в Корейской войне).

По воспоминаниям Джексона, его мать всегда ходила быстро, стремительно шагая по жизни. В детстве ему приходилось держаться за ее юбку, чтобы не отстать. У него не было детских воспоминаний об отце: Рой навестил сына всего один раз, после чего бросил семью.

Его родители расстались еще до первого дня рождения Сэма. Элизабет привезла сына к родителям домой, в Чаттанугу, штат Теннесси. Не желая бросать отличную работу – в конце концов, она получила награду «За заслуги» от Бюро военно-морского персонала, – она оставила юного Сэма на воспитание матери и отцу, Перлу и Эдгару Монтгомери, и вернулась в округ Колумбия, совершая нерегулярные поездки в Чаттанугу на расстояние почти в тысячу километров.

«Дедушка был моим лучшим другом», – сказал Джексон. Эдгар работал в отеле, управлял лифтом. А по вечерам подрабатывал – убирал три разных офиса в районе одного квартала. Перл тоже работала полный рабочий день в качестве домашней прислуги. Маленький мальчик усвоил простой, но важный жизненный урок: взрослые просыпались утром и шли на работу. Иногда Эдгар брал Сэма с собой на уборку. Маленький мальчик помогал выносить мусор из мусорных корзин, и, когда Эдгар использовал полировщик, сверхмощную машину, которая полировала полы, он катал внука на ней верхом.

Семья жила на Лукаут-стрит в доме номер 310 1/2, в негритянском районе сегрегированного¹⁸ южного города. Район был бедным, но Монтгомери принадлежали к рабочему классу. «Я никогда не голодал и не ходил в лохмотьях», – говорит Джексон. Рядом находились два (белых) публичных дома и три разных дома, где продавали самодельное виски, которое покупатели могли приобрести по рюмке, полпинты или полгаллона. «Время от времени летали пули, иногда случалась поножовщина, по соседству проходили пьяницы, но было много стариков, которые заботились о нас», – добавляет он. Любой сосед, заметив, что юный Сэм бедокурит, непременно рассказывал об этом его бабушке и дедушке. Когда Сэм возвращался домой, его ждали телесные наказания – часто это означало порку розгами. Он понимал, что ему несдобровать, как только переступал порог дома, потому что бабушка и дедушка называли его Сэмюэлом, а не Сэмом.

Дом у Монтгомери был небольшой, но тем не менее в нем была гостиная, запретная зона для Сэма, за исключением тех случаев, когда приходили гости: там были красивые ковры, накрахмаленные занавески и трехъярусные столы с маленькими статуэтками. По соседству было много голодных детей, поэтому Перл постоянно пекла. На Лукаут-стрит в доме номер 310 1/2 никогда не пустовала банка с печеньем. Они кормили любого ребенка, который приходил в дом.

¹⁸ Сегрегация – отделение белого населения США от иных этнических групп с помощью отдельного проживания, раздельного воспитания и обучения и др. – *Прим. науч. ред.*

«Я вырос в условиях сегрегации на Юге, – сказал Джексон. – Но мой мир был полон». Когда бабушка брала его в центр города, ей приходилось учить его границам узаконенного расизма, таким как разные питьевые фонтанчики для белых и цветных людей. Почти все, кого видел Джексон, были черными, за редким исключением, например белые дети в школьном автобусе, проезжавшем через их район, которые «выкручивали лампочки из салона и бросали их в нас с криком "Ниггер!"».

По соседству жила одна белая семья, на которую обычно смотрели свысока как на PWT – Poor White Trash (нищий белый мусор). Но хотя в их доме не было водопровода, и поэтому они мылись только во время дождя, члены белой семьи всегда называли Джексона «негритенком», а его бабушку «мисс Ниггер» – всегда «мисс», как будто это «добавляло уважения», вспоминал Джексон. Также юный Сэм заметил, что, когда его дедушка ходил на работу, двадцатилетние белые парни называли его Эдом или Эдгаром, а он, в свою очередь, всегда называл их «мистер». Белые люди гладили Джексона по голове – и он смотрел им прямо в глаза. Сначала он это делал, потому что не знал, что так делать нельзя, а позже – просто чтобы досадить.

Он смотрел на меня, как будто хотел сказать: "Опусти голову! Не смотри белым в глаза, потому что они подумают, что ты заносчив или высокомерен"». Позже Джексон понял, что его дед просто пытался научить его навыкам выживания. «В его детстве было очень опасно быть чернокожим», – сказал он.

«Мой дед был таким славным стариком, очень достойным, но он никогда не смотрел им в глаза.»

Однажды, когда Сэму было пять лет, он сидел на крыльце семейного дома и свистнул проходившей мимо белой девушке. Бабушка и дедушка боялись за его жизнь: «Все выбегали из дома, хватили меня, били. Потому что меня могли убить за это».

Джексон с нежностью вспоминает детство, потому что оно было полно любви, однако полностью осознает, что оно было обнесено стеной сегрегации. «Нужно было учиться жить в обществе, где твоя жизнь не имеет ценности, – говорил он. – Родные указывали то на одного, то на другого человека, говорили, что это член организации или великий магистр Ку-Клукс-Клана¹⁹, и рассказывали, кого конкретно эти люди убили и не понесли наказания только потому, что заявили, что тот черный что-то сделал. Нельзя было выглядеть подозрительно, потому что ты ничем не сможешь оправдаться, а люди могут обвинить тебя в чем угодно. Они говорили не садиться в машину с определенным полицейским: "Мне все равно, что бы ни случилось, ты, главное, беги изо всех сил, пока не окажешься здесь, а там разберемся"».

Когда кто-то в семье заболел, они не всегда шли к врачу или в больницу: «Мы считали, что нас все равно не станут осматривать», – говорит Джексон. Вместо этого Монтгомери обращались к женщине, которую звали «зелейницей», она приходила, мазала тело больного травяными мазями («очень вонючими») и напевала песни.

Джексон любил слушать радио, сидя по вечерам с дедом на крыльце: сериалы вроде «Тени» и «Сержанта Престона с Юкона», а также популярная, хотя и до ужаса стереотипная комедия «Эймос и Энди» подстегивали его воображение и учили, как с помощью голоса можно создавать свои собственные миры. А иногда дедушка рассказывал ему истории о привидениях с местным колоритом: неподалеку перевернулся школьный автобус, и если оказаться на месте трагедии в определенное время ночи, то можно услышать визг старых шин и крики паникующих детей.

Не по годам развитый Джексон научился читать очень рано, когда ему было два или три года. Оставаясь один в своей комнате, он иногда становился перед зеркалом и разыгрывал

¹⁹ Ку-Клукс-Клан – ультраправая расистская террористическая организация в США, отстаивавшая идею превосходства белых людей. – *Прим. науч. ред.*

захватывающие истории, притворяясь героями любимых книг. Он говорит: «Я выступал для себя, прежде чем начать выступать перед кем-то еще».

На каждые пять комиксов ему требовалось прочитать что-нибудь более существенное: «Нам всегда говорили, что мы должны быть в пять, десять раз умнее, должны вести себя иначе, потому что, выходя на улицу, мы представляем не только себя, но и всю расу. У людей в общине были ожидания, и нужно было с уважением относиться к тем, у кого были эти ожидания. Было не принято злиться на учителей, проповедников. Даже на полицию».

Его тетя Эдна Монтгомери, выпускница факультета театрального искусства исторически черного Университета Северной Каролины, тоже жила по адресу Лукаут-стрит, 310 1/2: она вернулась в Чаттанугу, чтобы преподавать в четвертом классе. Еще до того как Джексон официально пошел в школу, она иногда брала его с собой на занятия и сажала на задней парте. Если кто-то из учеников не знал ответа на один из ее вопросов, она обращалась к Сэму, который всегда мог ответить. Затем, в обеденное время, ему приходилось физически защищаться от детей постарше, которые злились, что к ним пришел дошкольник.

Еще тетя Эдна заставляла Сэма ходить на занятия по танцам, которые вела она сама, как по чечетке, так и по современным танцам. На занятиях по современным танцам дети выполняли необычные движения шеей под музыку Имы Сумак, перуанского сопрано с диапазоном в пять октав. Дважды в год тетя Эдна отвечала за проведение театрализованного представления: зрителями были члены школьного совета и другие белые из числа важных персон Чаттануги, «чтобы посмотреть, как развиваются молодые негры». Дети читали стихи, пели и танцевали, носили костюмы. Тете Эдне постоянно не хватало мальчиков, поэтому на протяжении многих лет Сэма против его воли заставляли играть Шалтая-Болтая, китаяца с косичкой и Мармеладную фею в постановке «Щелкунчик». «Я всегда плакал, когда она вытаскивала меня из дома», – говорит он.

По воскресеньям Джексон должен был надевать лучшую одежду и ходить в воскресную школу. Иногда учительница внезапно просила всех прочитать стих из Библии. Поскольку «Иисус плакал» и от Иоанна 3:16 всегда занимали до того, как очередь доходила до Джексона, он заучил необычный отрывок, который, он был в этом уверен, никто другой бы не вспомнил – от Иоанна 3:8: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа».

Любимым днем недели Джексона была суббота: он проводил весь день в кино, покидая дом номер 310 1/2 на Лукаут-стрит около девяти утра и возвращаясь где-то в десять вечера. В Чаттануге было два кинотеатра для чернокожих зрителей, «Либерти» и «Гранд», и в любом из них он мог посмотреть полную программу кинохроники, мультфильмов, сериалов и двухсерийных фильмов: от «Говорящего мула Фрэнсиса» до «Твари из Черной Лагуны» и вестернов с Джином Отри, Роем Роджерсом или Лашем Ларю. Одним из его любимых фильмов был «Красный корсар» с Бертом Ланкастером в главной роли.

В дни, когда он не ходил в кино, он воспроизводил экранные приключения, устраивал эпические пиратские похождения с другими соседскими детьми, а иногда инсценировал сцены боев на близлежащих полях сражений Гражданской войны: дети заменяли лошадей велосипедами, скатывались с холмов и разучивали собственную фирменную песню. «Но наступало время, когда нужно было остановиться и пойти почитать книгу, – говорит Джексон. – Погрузиться в мир внутри собственной головы. Я больше не хотел бегать, прыгать и слушать, как все шумят».

Ему нравилось быть единственным ребенком в семье, нравилось находиться в собственном обществе, нравилось ощущение, что он один против всего мира. «А я был эгоистичным ребенком», – говорит он. Если его просили поделиться конфетой, он выбрасывал свою половину: «Если мне нельзя было съесть всю конфету, то я не получал от нее никакого удовольствия». Он научился быть один, развлекать себя часами напролет и не испытывать страха перед

расставаниями: «Я виделся с матерью, может быть, два раза в год. Она уезжала, и я ничего не мог с этим поделать. Я научился это принимать. Если человек от меня уходит, я его сразу же забываю. Я не закиваю на людях, которые уходят».

Он действительно страдал от заикания, которое стало настолько сильным, что он едва ли издавал хоть слово на протяжении всего четвертого класса. В его голове проносились самые красочные и детализированные мысли, но он не мог их от себя отогнать. Он успешно справлялся со всеми контрольными работами, а его отзывчивые учителя знали, что он умеет читать, поэтому разрешали ему молчать. Тетя Эдна отвела его к логопеду, но Джексон сказал, что еще лучше будет пойти в библиотеку: он нашел несколько книг по дыхательным упражнениям и научился избегать худших последствий заикания. И по мере увеличения словарного запаса он учился ориентироваться в словах, которые невозможно было произнести в определенный день. (Заикание так и не исчезло до конца: он говорил, что, даже когда он повзрослел, «все еще случаются такие дни, когда я запинаясь на н-н-н или р-р-р. Тогда я стараюсь подобрать другое слово». Он отметил, что от заикания в детстве страдали и Джеймс Эрл Джонс, и Брюс Уиллис. Необходимость напряженно концентрироваться на том, что большинство людей воспринимают как должное – простом действии вроде произнесения предложения, – может с возрастом наделить актеров необычайно сильным голосом.)

Когда Джексон был в пятом классе, его мать Элизабет вернулась в Чаттанугу, в дом своих родителей и в жизнь Сэма. Она нашла работу в магазине одежды под названием Young Ages, прямо за границей штата, в Росвилле, штат Джорджия. (Чаттануга прилегает к южной границе Теннесси.) Джексон говорит, что благодаря маминной работе в должности закупщика у него всегда был богатый гардероб: «Она все время работала на выставках образцов с владельцами, поэтому каждый раз возвращалась домой со всеми теми вещами, которые люди должны были носить в следующем сезоне, и я никогда не выглядел как все. Но она одевала меня в стиле Лиги плюща²⁰, так что я одевался не в ту модную одежду, которую носили все, я выглядел как бы скучно, но хорошо одетым». Под этим подразумевались вязаные жилеты, вельветовые брюки, «паттерн елочкой, заплатки на локтях, оксфорды, рубашки на пуговицах с монограммами и тому подобное».

В доме номер 310 1/2 на Лукаут-стрит было больше народу, чем когда-либо, и, казалось, там всегда было полно женщин. Когда его мама собиралась с друзьями в гостиную, иногда они звали Сэма, чтобы он продемонстрировал самые современные танцы, такие как твист или джерк. Пожилые дамы смотрели с жадным любопытством и поговаривали, что у них отвалится спина, если они хотя бы попытаются повторить его движения. Он получал не только аплодисменты, но и немного денег: «Дамы протягивали четвертаки, десятицентовики и все такое».

Джексон еще больше сблизился со своим дедушкой. «В доме было жарко, потому что там было полно женщин», – сказал он. И он наблюдал за тем, как Эдгар разрешает конфликты с Перл. «Он учил меня не отвечать! – говорит Джексон. – Спор возможен только в одном случае – если его ведут два человека».

Элизабет хотела, чтобы Сэм занимался традиционно мужскими занятиями: она устроила его в секцию бейсбола Малой лиги. «Она выпроваживала меня из дома, – говорит он. – Она всегда следила за тем, чтобы я занимался мужскими делами».

За год до рождения Джексона Джеки Робинсон²¹ переступил «цветовой барьер» в бейсбольной Высшей лиге, но Малая лига Чаттануги, как и все остальное в Теннесси, разделяла черных и белых. «Сегрегация просто была образом жизни, – говорит Джексон. – Не о чем было беспокоиться». Иногда его озадачивали самые странные проявления расизма: он удивлялся,

²⁰ Лига плюща – ассоциация восьми престижных частных университетов на Северо-Востоке США. – *Прим. науч. ред.*

²¹ Джек Робинсон – американский бейсболист, первый темнокожий игрок в Главной лиге бейсбола. – *Прим. науч. ред.*

почему в кино персонажи Сидни Пуатье всегда умирают. Но сегрегация казалась неизбежной реальностью, против которой не стоит выступать.

Затем, когда Сэм учился в шестом классе, бабушка повезла его с двоюродной сестрой Вандой на поезде через всю страну в Лос-Анджелес, в гости к тете. В Калифорнии Джексон впервые увидел белых и черных вместе. «Что здесь происходит? Как так?» – думал потрясенный мальчик. За тысячи миль от дома его осенило: мир не только может жить по другим правилам, но некоторые его части уже по ним живут.

Каждое лето Джексон отправлялся в другой мир: на ферму сестры своего деда в сельской местности штата Джорджия. «Мы со всеми ее детьми бегали по грунтовым дорогам, ощущая полную свободу», – вспоминал он. Он наблюдал, как братья его деда трудятся на полях до изнеможения, действуя медленно и эффективно. Он видел, что они придерживаются строгих моральных принципов, но по выходным выпивают. Он смотрел, как коровы и куры занимаются своими естественными делами. Вскоре и он тоже начал так делать.

«По другую сторону леса от нас жила семья с дочерьми, мы все встречались у одного ручья и купались голышом, – говорит он. – Мне было лет 10 или 11. Думаю, паре девочек было лет по 14–15, так что именно тогда это и произошло. Мне были интересны девчонки, и точка. Толстые, худые, высокие, низкие, уродливые, красивые – лишь бы они были готовы сделать это».

Там, в Чаттануге, все чернокожие, казалось, знали друг друга: «Для чернокожих было всего две школы», – вспоминает он. Многие из учителей Джексона раньше учили его мать, ее братьев и сестер. Они знали, что он должен поступить в колледж, и поэтому, когда другие дети учились составлять предложения, ему разрешалось уйти в другой конец комнаты и читать «Беовульфа»²² и Шекспира.

Джексон не болтался на улице с другими детьми. Когда его друзья начинали строить планы, которые могли закончиться неприятностями, он шел домой. Он знал одно непреложное правило: не позорить свою семью. Если бы он каким-то образом оказался в тюрьме, он был уверен, что родные его бы навещали, но не стали бы делать ничего, чтобы вытащить его.

Днем 1 февраля 1960 года четверо первокурсников Государственного университета Северной Каролины (альма-матер тети Эдны) вошли в универмаг Woolworth's в Гринсборо, штат Северная Каролина. Они взяли несколько мелочей – зубную пасту, расческу, – а затем сели за буфетную стойку магазина и попросили, чтобы их обслужили. В таких заведениях тоже была сегрегация: белым разрешали садиться за стойку, в то время как чернокожие должны были оплачивать покупки только стоя. За то, что эти четверо сели за стойку, их могли арестовать, применить физическое насилие, возможно даже убить. Они отвоевывали собственное достоинство у расистской системы, которая каждый день пыталась его у них отнять. Один из них, Франклин Маккейн, спустя годы рассказывал: «Почти мгновенно, присев на простой дурацкий табурет, я почувствовал такое облегчение. Я ощутил такую чистоту, и мне показалось, что этим простым действием я обрел частичку мужественности».

Сотрудники отказались их обслуживать и закрыли весь магазин раньше времени, а четверо молодых людей вернулись в кампус, чтобы рассказать сокурсникам о случившемся. С каждым днем к Woolworth's приходило все больше протестующих: через три дня их были уже сотни. Это движение вдохновило десятки других сегрегированных городов на подобные сидячие забастовки, в том числе Чаттанугу. 19 февраля чернокожие ученики из средней школы Ховарда начали мирно садиться за буфетные стойки в магазинах в центре Чаттануги. Движение росло, пока через пять дней на центральных улицах города не появились тысячи людей, черных и белых. Мэр Чаттануги П. Р. Руди Олджиати приказал очистить улицы, а пожарные

²² «Беовульф» – древняя англосаксонская эпическая поэма. – *Прим. науч. ред.*

направили шланги на толпу: к стыду, это был первый южный город, который вот так расправился с протестующими за гражданские права, но не последний.

Демонстрации продолжались в Чаттануге до августа, когда буфетные стойки были объединены во всех городских закусочных. Три года спустя были объединены все общественные объекты в городе. Движение с сидячими забастовками имело аналогичный успех по всему Югу и стало важной вехой на пути к ликвидации сегрегации на национальном уровне в соответствии с Законом о гражданских правах 1964 года. Кроме того, они непосредственно привели к созданию Студенческого координационного комитета против насилия (SNCC). Он стал центральной национальной организацией студентов колледжей, борющихся за гражданские права.

«Я участвовал, сидел за буфетной стойкой, – говорит он. – А когда появлялась полиция, просто убежал!»

Джексон, которому было всего одиннадцать лет, принимал участие в сидячих забастовках, но никому в своей семье об этом не говорил.

Когда Джексон перешел в седьмой класс, у него было несколько одноклассников, которым было по 17 или 18 лет: по сути, это были взрослые мужчины, но они только что окончили исправительную школу и все еще оставались на уровне младших классов. «Они забирали у нас деньги или заставляли делать за них домашние задания», – говорит Джексон. Но, к его удивлению, они защищали его, если на улице ему кто-то докучал: «Сэм с Лукаут-стрит? Да, я его знаю. Я знаю его маму. Оставь его в покое».

Вот как на это смотрел Джексон: «Моя работа заключалась в том, чтобы ходить в школу и приносить домой хорошие оценки. Я был в списке отличников, я плавал, бегал и делал домашние задания. Я не засиживался допоздна. Меня больше беспокоило, с какой реакцией я столкнусь дома, чем давление сверстников».

Когда Джексон перешел в среднюю школу Риверсайда, он по-прежнему оставался заучкой, но иногда по субботам допоздна гулял, и, когда семья шла на воскресную службу в Объединенную методистскую церковь Уайли Мемориал, было заметно, что у него красные глаза. «Мы пили пиво, как газировку», – говорит он. Мама ясно дала понять, что ему нельзя пропускать церковные службы. Компромисс был найден: он надевал солнечные очки.

Как и многие другие выдающиеся ученики старших классов до и после него, Сэм проводил свое время на внеклассных занятиях. Он участвовал в организации модели ООН. Он играл на трубе, флейте и валторне в марширующем ансамбле; он знал, что у него был отличный стиль игры, когда выступал с оркестром на поле, но еще он знал, что это не самое крутое занятие. Он соревновался в плавании и бегал с барьерами в команде по легкой атлетике. «Я точно не привлекал красоток, – жаловался он. – Популярность ко мне пришла, потому что я был смешным». Но тем не менее он был достаточно популярен, чтобы его выбрали президентом выпускного класса.

Когда Джексон рассказывает о своем детстве в условиях сегрегации, он часто пытается отмахнуться от этой темы, подчеркивая счастливые моменты и преуменьшая то, как она на него повлияла. Но... «Внутри меня кипел гнев, – признает он. – Так случилось из-за того, что я рос в условиях угнетения в сегрегированном обществе. Все детство я видел места "только для белых", а дети, проезжая мимо тебя на автобусе, кричали: "Ниггер!" Тогда я ничего не мог с этим поделать. Я даже не мог высказать кое-что из того, что меня злило, – меня бы убили. Но у меня была собственная мечта. Я был полон решимости выбраться и сделать так, чтобы семья гордилась мной».

Семья Джексона хотела, чтобы он сделал «продуктивную» карьеру: по сути, это означало стать врачом, юристом или, возможно, учителем. В Чаттануге не было чернокожего педиатра,

поэтому мама надеялась, что он восполнит этот пробел. Джексон тем временем хотел уехать как можно дальше от Теннесси. Он был кандидатом на поступление в Военно-морскую академию в Аннаполисе, а также подал документы в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, Калифорнийский университет в Беркли и Гавайский университет. «Я прочитал слишком много книг о мире и очень хотел его посмотреть», – говорит он.

Когда мать узнала, что Джексон записался на корабль торгового флота, она приняла решение за него. «Мама решила, что я буду учиться в колледже Морхаус²³ в Атланте, – сказал он, – и я поступил именно туда».

²³ Морхаус – исторически сложившийся частный колледж гуманитарных наук для чернокожих мужчин в Атланте, штат Джорджия. – *Прим. науч. ред.*

2

Настольная лампа (с лампочкой)

«Самообладание, уравновешенный характер, высокие идеалы и цели считаются главной целью образования». Так говорилось в «Вестнике колледжа Морхаус», пособии, которое выдавали всем студентам, прибывшим в кампус осенью 1966 года. В нем излагались возвышенные идеалы колледжа: «Характер выполняемой работы и растущая эффективность каждого факультета гарантируют самые высокие и долговечные результаты в жизни студентов и тех, среди кого они будут работать».

Морхаус, мужской колледж в Атланте, основанный через два года после Гражданской войны, был одним из самых престижных учебных заведений страны, исторически предназначенных для черных. Заведение тщательно охраняло репутацию своих выпускников, примерно 225 в год, которых называли людьми Морхауса. Его самым известным выпускником был доктор Мартин Лютер Кинг – младший. «Нам говорили, что мы входим в первую десятку черной расы, которая выведет всех из тьмы к свету, – вспоминает Джексон. – В то время примерно 75 % всех [чернокожих] врачей в Америке были мужчинами, выпускниками Морхауса. Люди Морхауса были издателями, редакторами, они были лидерами гонки».

Именно эта мечта о достойном будущем побудила Элизабет отправить Сэма в Морхаус, и именно поэтому Эдгар и Перл были готовы заложить дом номер 310 1/2 на Лукаут-стрит, чтобы оплатить необходимые расходы: в 1966–1967 учебном году обучение, проживание, питание и стирка в Морхаусе стоили минимум 1430 долларов. (С учетом инфляции это эквивалентно 11 545 долларам в 2021 году.) «Каждый студент должен обеспечить себя постельным бельем, одеялами и настольной лампой (с лампочкой)», – предупреждал «Вестник».

В воскресенье 11 сентября 1966 года первокурсникам Морхауса разрешили заселяться в общежития начиная с 8 утра. Мать Джексона высадила его – с постельным бельем, одеялами и настольной лампой – и поехала домой, уверенная в том, что в объятиях Морхауса он будет в безопасности от искушений. Она ошибалась. «Я начал сходить с ума», – говорит Джексон.

Как только мама уехала, Джексон покинул кампус Морхауса, купил литр пива и пошел вверх по улице к приглянувшейся ему баскетбольной площадке. Он спросил, кто следующий, и провел остаток дня в этом неблагополучном районе. (Университетские дома, расположенные рядом с кампусом Морхауса, были первым в США жилищным проектом для черных семей, который был построен на федеральные средства.) «Я играл в баскетбол, тусовался с ними в тот вечер», – говорит Джексон. Его новые друзья понятия не имели, что он студент Морхауса, и подумали, что он недавно переехал в их район.

Джексон вернулся в кампус к первому дню ориентации первокурсников, во время которого студентам пытались привить идеалы Морхауса и запугать их строгостью учебного заведения. Перед студентами выступили с традиционной речью и сказали взглянуть налево, а затем направо: одного из этих людей (внимание, спойлер!) не будет здесь уже в следующем году.

Джексон поступил в Морхаус, чтобы изучать морскую биологию. Он хотел стать океанографом, потому что смотрел по телевизору «Морскую охоту» (приключенческий сериал с Ллойдом Бриджесом в роли подводника), не говоря уже о том, что был большим поклонником классической истории о подводной лодке «20 000 лье под водой» (романа Жюль Верна, а не диснеевского фильма 1954 года). Он мечтал стать черным Жаком Кусто²⁴, несмотря на то что вырос почти в 500 километрах от ближайшего океана.

²⁴ Жак-Ив Кусто – французский исследователь Мирового океана, автор множества книг и фильмов, один из изобретателей акваланга. – *Прим. науч. ред.*

«Впервые я был предоставлен самому себе. Я делал все то, чего не делал в старших классах: напивался, не спал ночами, играл в карты, заводил много друзей, – говорит Джексон. (Морхаус был колледжем для мужчин, а через дорогу находилось родственное учебное заведение – Колледж Спелман, исторически предназначенный для чернокожих женщин.) – Тем не менее я ходил на занятия, а средний балл оставался в районе четверки».

Джексон продолжал навещать район социального жилья, чтобы поиграть в баскетбол с друзьями, которые прозвали его Слимом. «Я бывал там каждый день, и чаще всего подолгу», – сказал он. Будучи принятым в башню из черного дерева, он чувствовал себя более комфортно за ее пределами, с горожанами – или, как их называли в кампусе, парнями из квартала. Джексон с любовью описывает их так: «Придурки, которые стояли на углу. Они курили травку, пили вино, пиво, несли всякую чушь. Помногу. Это были мы».

Парни из квартала считали студентов Морхауса заносчивыми, или, на тогдашнем сленге, *saditty*. Джексон был согласен с ними, он видел, как его сокурсники не только считали себя выше местных жителей, но и были научены этому администрацией школы: «Они игнорировали тех, кто жил в общине: они вторгались в жизнь местных и считали, что они могут ею управлять». Поэтому когда парни из квартала здоровались с людьми Морхауса, они часто не получали ответа. «И это служило поводом для избиения, – говорит Джексон. – Либо их прогоняли обратно в кампус. В основном потому, что они не любили разговаривать».

Иногда парни из квартала грабили студентов Морхауса, что Джексона не беспокоило: «В девяноста процентах случаев они были правы в том, что человек, у которого они забирали вещи, мог позволить себе остаться без них. И это были люди с мелкобуржуазными идеями, которые на самом-то деле нуждались в подобном уроке».

Однажды, однако, их жертвой стал человек, которого Джексон знал по школе. Он посмотрел Джексону в глаза, но, прежде чем тот успел что-то ответить, кто-то ударил студента, парни из квартала освободили его от ценностей и все вместе убежали. «В результате я оказался в кабинете директора, – сказал Джексон. – Из-за того что парень узнал меня, он сообщил об ограблении и сказал, что я был с ними. В результате меня несколько раз приговаривали к условному сроку, потому что я отказывался назвать людей, которые это сделали».

Прошло еще полгода, прежде чем ребята из квартала узнали, что Джексон учится в Морхаусе: они заметили его на танцах, где он появился в форме колледжа. «Слим, ты реально учишься в колледже?» – спросил один из них удивленно. Джексон признался, и таким образом в очень малой степени он улучшил отношения между горожанами и студентами: «Это действительно изменило их представление о парнях из Морхауса, и они перестали так часто их избивать».

Джексон нашел свой собственный способ участвовать в жизни Морхауса и стал чирлидером. Он обнаружил, что у этой работы есть свои плюсы, например возможность прослушивания и отбора девушек-чирлидеров из Спелмана. «Мне приходилось ездить в другие колледжи для черных. Я общался с баскетбольными и футбольными командами, встречался с девушками, – он нежно рассмеялся при этом воспоминании. – Дело было вовсе не в школьном духе».

Некоторые из первокурсников Морхауса, может быть, восемь из них, особенно выделялись: на несколько лет старше остальных, более напряженные, более устрашающие. Многие из них носили прически в стиле афро и ожерелья из плетеной веревки. Все они относились к занятиям серьезнее, чем среднестатистический первокурсник. Они были ветеранами Вьетнама, учились в колледже по Биллю о льготах для ветеранов. Однажды ночью Джексон и его друзья засиделись допоздна, пили и буянили, выводя из себя некоторых из тех ветеранов, которые пытались учиться.

Насколько он помнит тот ночной разговор, они пришли и прочитали им лекцию.

– Вам, ребята, нужно учиться, стать повнимательнее и посерьезнее! Война идет. Мы только что с нее вернулись.

– Какая на хрен война?
– Во Вьетнаме.
– Где это? – спросил я.
– Пойдем за картой.
– На этой карте нет места под названием Вьетнам!
– Вот здесь: Индокитай. Это Вьетнам. У нас там война. Мои друзья умирают там – твои родственники будут умирать там.

Не потребовалось много времени, чтобы это предсказание сбылось. Один из двоюродных братьев Джексона из штата Джорджия – они вместе проводили каждое лето, бегали по грунтовым дорогам и попадали в неприятности – ушел в армию примерно в то же время, когда Джексон поступил в колледж. «Естественно, полтора месяца спустя моего кузена убили во Вьетнаме, – сказал Джексон. – Я реально как будто проснулся».

Он старался получать достаточно хорошие оценки, чтобы не вылететь из колледжа, но все остальное в его жизни ходило ходуном. Для многих людей колледж строится не только на учебе, но и на индивидуальности: вдали от дома у вас есть свобода экспериментировать с тем, как представить себя миру, и понять, каким человеком вы хотите быть во взрослой жизни. Джексон всегда был сложным парнем с целым набором разных личностей внутри себя и жил в доме, где за ним присматривали четверо взрослых. Теперь он выяснил, что может быть другим человеком или даже целым набором разных людей – от парня из квартала до чирлидера и участника антивоенного протеста. (Еще он обнаружил, что разнообразие общественных кругов дает ему доступ к более широкому выбору женщин: «Как в разных видах спорта есть свои фанатки, так и в этих кругах есть свои фанатки».)

Чем больше Джексон читал о Вьетнаме, тем сильнее укреплялись его убеждения против войны.

Он сменил специальность на архитектуру и поменял стиль одежды, отказавшись от гардероба с паттернами в елочку: «Не успел я покинуть родной дом, как стал хиппи. Джинсы-клевш с заплатками, кожаные жилеты с бахромой и, знаете, такие дикие футболки в стиле тай-дай²⁵ и все такое прочее».

Признаком времени стало то, что он ходил на занятия по английскому языку к профессору, который во время обсуждения в классе романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом» призвал студентов использовать галлюциногены: «У вас, ребята, столько отличных идей, может быть, вам стоит попробовать это».

Джексона даже призывать ни к чему не приходилось. В студенческие годы он употреблял все наркотики, которые попадались ему под руку, включая кислоту, травку и даже героин в период, когда ничего другого не было в доступе: «Мы и правда думали, что правительство убрало всю марихуану с улиц. Марихуаны не было. Кислоты было очень мало. Единственное, что можно было достать, и в большом количестве, был героин, его мы и брали». Джексон и его друзья некоторое время снюхивали его, а потом решили, что с таким же успехом можно вводить его внутривенно. «Я любил накидываться по выходным, – говорит он. – Мне не хотелось делать это на регулярной основе. Я понимал риски».

Понимание рисков не смогло предотвратить передозировку героином. С Джексоном произошел внетелесный опыт, в ходе которого он увидел, как друзья спасают ему жизнь: «Я как будто парил над комнатой. Посмотрел вниз и увидел себя, рядом какой-то парень бьет меня в грудь, пока другой парень пытается удержать меня, а я просто наблюдал за всем этим дерьмом. Это хреновое чувство». Но, по-видимому, недостаточно хреновое, чтобы тут же остановиться:

²⁵ Тай-дай – метод окрашивания ткани вручную с созданием ярких цветных разводов. – *Прим. науч. ред.*

у Джексона было еще два предсмертных опыта, прежде чем он отказался от героина. «Третий передоз стал концом моих отношений с героином. Я не хотел умирать из-за наркотиков, а я видел такое. Мне хватило ума, чтобы все понять и остановиться», – рассказал он.

«В момент, когда событие происходит, оно не кажется историческим», – говорит Джексон. И вы особенно не думаете об этом как об историческом событии, когда смотрите фильм «Джон Голдфарб, пожалуйста, иди домой!» – сатира времен холодной войны с Питером Устиновым в главной роли, которая каким-то образом заканчивается тем, что Ширли Маклейн забивает победный тачдаун футбольной команде «Нотр-Дам». Однако вечером 4 апреля 1968 года, в четверг, когда шел весенний семестр второго курса, Джексон находился именно там – на вечере кино в кампусе, где он посмотрел, как он считал, «один из худших фильмов, когда-либо снятых».

Джексон знал, что доктора Мартина Лютера Кинга²⁶ застрелили в Мемфисе и доставили в больницу. Кассир в винном магазине сообщил ему эту новость, когда Джексон покупал литр пива, чтобы выпить во время просмотра фильма. Однако он не ожидал, что кинопоказ будет прерван. Кто-то пришел в театр и объявил: «Доктор Кинг умер. Нам нужно что-то сделать». Все вышли на улицы, скорбя, пытаясь понять смысл этих бессмысленных событий.

Джексон чувствовал себя как в тумане. Глядя на своих сокурсников, он видел, что многие из них выглядели такими же оцепеневшими, как и он. А потом, «разумеется, кто-то бросил кирпич в витрину магазина, а я стоял и думал: "Это не то, что мы должны делать"». Когда Джексон вернулся в общежитие, чтобы проведать своего соседа по комнате, его там не оказалось: «Он уже был на улице с кучей других людей, крушил и сжигал наш район».

Кинг был в Мемфисе, потому что приехал поддержать забастовку городских мусорщиков. Несколько дней спустя Роберт Калп и Билл Косби оплатили билеты на самолет для всех студентов Морхауса и Спелмана, которые хотели поехать в Мемфис на марш с работниками санитарной службы, чтобы работа Кинга не закончилась с его смертью. (Калп и Косби были звездами популярного в то время телешоу «Я – шпион», сериала о приключениях секретных агентов, который произвел революцию благодаря тому, что главные роли в нем играли представители разных рас.) Джексон прилетел в Мемфис с группой студентов Морхауса и Спелмана. «Мы все думали, что все выльется во что-то жестокое, хотя рядом была Национальная гвардия, – сказал Джексон. – Калп и Косби пытались дать нам инструкции, как себя вести и воплотить мечту Кинга о ненасильственном характере». Марш оказался мирным. Студенты улетели обратно той же ночью. «Мы были рады, что смогли что-то сделать, кроме как жечь, грабить и разрушать свой район», – добавил он.

Похороны Кинга состоялись на следующее утро, во вторник 9 апреля: после частной службы в баптистской церкви Эбenezер, где Кинг служил старшим пастором, тело было доставлено в Морхаус на фермерской повозке, запряженной двумя мулами, в процессии, за которой наблюдали более 100 000 человек. Колледжу нужны были волонтеры, которые помогали бы посетителям ориентироваться в кампусе, поэтому Джексон надел костюм и выступил в роли швейцара. Сами похороны были сплошным ступком скорби, хотя на него произвела впечатление госпел-певица Махалия Джексон, которая исполнила любимую песню Кинга Precious Lord, Take My Hand.

Его семья с пониманием относилась к его растущей воинственности – они просто беспокоились, что его могут убить, пока он ее выражает. Во время визита домой в Чаттанугу Джексон сидел на крыльце дома 310 1/2 на Лукаут-стрит, как вдруг появился белый мужчина и

²⁶ Мартин Лютер Кинг – лидер движения за права чернокожих в США с 1954 по 1968 годы, убит снайпером в Мемфисе. – *Прим. науч. ред.*

представился: «Мистер Венейбл». «С тех пор как я был совсем маленьким, бабушка покупала все эти бредовые полисы страхования жизни и похорон, – говорит Джексон, – и каждую неделю этот страховщик, мистер Венейбл, приходил за своими пятицентовыми взносами».

На этот раз, когда мистер Венейбл подошел к дому и сказал: «Привет, Сэм, Перл дома?» – внутри Джексона что-то щелкнуло, и он сказал то, что не мог выразить в детстве, когда снова и снова видел, как молодые белые офисные работники снисходительно разговаривают с его дедом.

«Ублюдох, с чего это ты обращаешься к моей бабушке, женщине в три раза старше тебя, по имени?» – возмутился Джексон. Он ругался и орал на мистера Венейбла, настолько переполненный яростью, что перешел на какое-то бормотание. Не успел он это осознать, как бабушка выскочила на крыльцо и схватила его за волосы.

Джексон сказал: «Я был зол из-за убийства, но не был шокирован. Я знал, что для перемен потребуется что-то другое: не сидячие забастовки, не мирное сосуществование».

«Что, черт возьми, с тобой не так?» – возмущалась она.

Джексон не сожалел о своей вспышке: с его точки зрения, мистер Венейбл впервые задумался о том, что он что-то сделал не так. Мистер Венейбл попросил прощения, но после его ухода Перл набросилась на внука: «Она думала, что он кому-нибудь позвонит и меня повесят».

Заметка в «Вестнике колледжа Морхаус»: «ОСНОВЫ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ. Курс по основам подготовки речи и ораторскому искусству». Вернувшись в Морхаус, Джексон, который по-прежнему временами испытывал трудности с заиканием, решил, что занятия по ораторскому искусству уменьшат его выраженность. Занятия помогли, хотя и не так сильно, как самостоятельное открытие Джексона: он почти всегда избегал заикания, произнося слово «motherfucker».

Еще бóльшую роль сыграло предложение преподавателя: для постановки «Трехгрошовой оперы» (мюзикл Брехта и Уэйла, в котором звучит песня Mack the Knife) в постановке колледжей Морхаус и Спелман требовалось больше актеров. Любому ученику, который присоединится к актерскому составу, ставили дополнительные баллы. Джексон не умел петь, но оказалось, что он «может делать вид, будто умеет». Его взяли на роль второго плана – Мэтта из Монетного двора. Как только Джексон пришел в театр, что-то щелкнуло: он понял, что нашел то место, где должен был давно оказаться. Возможно, на это чувство сопричастности повлияло то, что его первая репетиция совпала с фотосессией для спектакля, поэтому женщины в составе были одеты в бюстье и пояса с подвязками. Поскольку шесть из девяти парней в труппе были геями, Джексон быстро сообразил, что у него больше шансов в отношении женщин в нижнем белье. Вскоре появился совершенно новый источник кайфа: «В ночь премьеры раздаются эти аплодисменты. Как будто прилив удовольствия. Вау!»

Никто не верил, что «Трехгрошовой оперы» стала театральным дебютом всемирно известного актерского таланта, даже сам Джексон. «Я был ужасен», – признал он. Он знал, что вызывал презрение у студенток, составлявших ядро театральной программы Спелмана (в Морхаусе не было своего театрального факультета – ученики, желающие специализироваться на театральном искусстве, должны были переходить через дорогу в Спелман). Одна из этих студенток сказала, что сначала она отреагировала на появление Джексона на репетиции так: «Что мальчик из группы поддержки делает у меня на сцене?» Она все-таки признавала, что у него есть свои достоинства: «Он был очень, очень хорош». Ее звали ЛаТаня Ричардсон, и Джексон тоже обратил на нее внимание: впервые он заметил ее в ту беспокойную неделю после убийства Кинга, когда они оба летели одним рейсом в Мемфис на марш работников санитарной службы. Ричардсон подумала, что Джексон похож на Линка Хейса, персонажа, которого играл

Кларенс Уильямс III в телешоу «Отряд "Стиляги"»: «это огромное афро, маленькие круглые очки и длинные бакенбарды».

Джексон отметил, что некоторые элементы этого стиля он так и не перенял: например, он был слишком высоким, чтобы носить обувь на платформе. «А еще у меня не было медальона, – подчеркнул он. – Они выглядели пошловато».

Джексон все еще экспериментировал с разными образами в разных социальных контекстах, но была одна роль, которая его не интересовала: традиционный парень из Морхауса. «В Морхаусе разводили политкорректных негров, – сказал Джексон. – Они пытались создать следующих Мартинов Лютеров Кингов. Они не говорили об этом прямо, потому что на самом деле не хотели, чтобы мы были настолько активны в политике. Они сильнее гордились тем, что он был проповедником, чем тем, что он был лидером движения за гражданские права. Это был их путь: они стремились сделать послушных негров».

«ЗА ВСЕМ, ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ, СЛЕДЯТ», – говорилось в листовке, которая распространялась в кампусе Морхауса весной 1969 года. Над изображением сжатого кулака на листе были напечатаны такие фразы, как «Является ли лозунгом "Власть черным" или "Власть некоторым черным... а не большинству"», «Очень скоро риторика черности выродится в изложения и аргументы "Моя мама чернее твоей мамы"» и «Либо напряжение спадает, либо наступило затишье перед бурей». Самым зловещим был фрагмент, который гласил: «Маленький Дом, маленький Дом, насколько ты силен? Кто-то пыжится и пыхтит, пытаясь разрушить маленький Дом. Если он сделан из палок и соломы, маленький домик не устоит. Маленький Дом, маленький Дом, насколько ты силен?» На листовке было дописано: «Искренне и всегда остаюсь: Бог (P. S. Вам лучше стереть эту чертовски глупую ухмылку со своего лица!!!)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.